

Примирение. Часть 2

Маркус Агирре

Маркус проснулся неожиданно. Первое, что он почувствовал - это мягкая подушка и тёплый плед, которым был укрыт. Вспомнив, что подушка в палате была одна, он резко дёрнулся и сел на диванчике. Тёплый плед упал на пол, но он не обратил на это внимания. Он смотрел на подушку и понимал, что это отец положил подушку под его голову. И отец укрыл его пледом. В груди защемило, и он зажмурился, чтобы подавить в себе стон. Отец, который когда-то сказал, что не желает его больше видеть, положил под его голову подушку и заботливо укрыл пледом. Это было очень странно. Может, это женщина отца? Притащила из отеля плед и подушку? Да, наверное. Не будет же отец этим заниматься?

В соседней комнате палаты слышались голоса, и молодой человек встал с дивана и направился туда. Открыл дверь и увидел сидящих за столом отца и женщину. Настенные часы показывали одиннадцать часов, и он мотнул головой. Он не любил так долго спать, а последние три дня он спал очень мало и редко. Потому что он был на улице, а там поспать не удавалось. Он кашлянул, привлекая к себе внимание и чувствуя, как щёки наливаются румянцем смущения. А потом глянул на кровать отца и не увидел там подушки. Глаза внезапно защемило, и он опустил голову. Он не мог поверить, что отец проявил по отношению к нему заботу. Ведь он не заслуживал такого отношения к себе.

Женщина первой обратила на него внимания. Она посмотрела на него и указала на стул. Потом налила кофе из термоса и поставила чашку на стол. И положила из контейнера несколько сырников.

- Доброе утро, Маркус. Мы тебя не разбудили? - Спросила она.

Молодой человек умылся и робко сел за стол. Он боялся посмотреть на отца, думая, что всё это наваждение сейчас закончится, и отец прогонит его и скажет, что не желает его видеть. Что это он один приносит одни неприятности. Что вообще его никто не желает знать и видеть. Он сглотнул.

- Нет, я... простите, я... мне... - он не знал, что сказать, так как даже когда оставался весной в доме Яреци и Тору, старался не спать так много и делать вид, что его просто не существует. А тогда он простудился, а может у него была лихорадка на фоне нервов, или ещё что-то. И он не позволял себе быть слабым. Потому что он и без того был очень слабым.

А здесь он просто заснул.

- Отец, как ты себя чувствуешь? Я... это ты мне положил под голову подушку? Но... зачем? - он обнял руками кружку с кофе и стал рассматривать её содержимое.

Путеводная Нить

К моменту пробуждения сына мужчина успел немного поработать, чем вызвал

неодобрение у Джулии, которая приехала к нему в восемь утра. Неодобрение женщины вызвало еще и то, что он спал без подушки и пледа, хотя в палате было прохладно. А болеть ему нельзя. Он пробурчал что-то и демонстративно повернулся к окну. А потом улыбнулся и встал с кровати. Обнял свою верную помощницу и любимую женщину, и поцеловал ее в щеку. Джулия принесла ему свой лучший кофе и сырники, которые научилась готовить лет восемнадцать назад, во время путешествия по России.

Когда Маркус робко сел за стол и опустил глаза, мужчина внимательно посмотрел на него. Сейчас сын, которого он знал заносчивым и наглым, показывал кротость и смирение. Мужчина покачал головой и отпил кофе. Посмотрел на свою помощницу.

-Оставь нас, пожалуйста, - сказал он. Женщина кивнула и вышла из палаты. - Мне уже лучше, спасибо тебе. И...

Он встал со стула и подошел к окну.

-Да, это я тебе подложил подушку. Потому что ты мой сын, и... - он запнулся. - Я люблю тебя. И...

Он не нашелся, что сказать и просто повернул к сыну голову. Окинул его быстрым взглядом и вздохнул. Он не знал, о чем говорить, но очень надеялся, что Маркус захочет тоже поговорить. И найдет больше слов, чем он сам.

Маркус Агирре

Женщина покинула палату, и отец подтвердил его предположения, что это он проявил к нему заботу. Это было слышать как-то странно, и Маркус прикусил губу. В душе были какие-то непонятные чувства, которых он почти никогда раньше не замечал.

А потом отец поднялся со стула и подошел к окну. Маркус поднял голову и посмотрел на его спину. Даже несмотря на белую вязаную кофту, которая была на его плечах, мужчина казался стройным. Он не был тем сломленным стариком, которого Маркус видел накануне. Мужчина стоял с гордо поднятой головой, у него была прямая осанка, несмотря на возраст, и он всем своим видом показывал власть. Маркус отставил кружку и тоже встал со стула. Отец сказал, любит его, и молодой человек поморщился. Эти слова... он совершенно не помнил их, отец произносил их ему разве что в самом далеком детстве, о чем он помнить не мог.

-Ты... любишь меня?! - произнес парень тусклым голосом. Отец повернулся к нему, и он встретился с его привычным холодным взглядом. Только сейчас там было что-то другое. - Да ты... почему ты никогда не был рядом со мной? Почему ты всегда был далеко? Ты... и после всего, что было, ты говоришь, что любишь меня? Какое ты вообще имеешь на это право?!

Маркус старался не повышать голос, но вместе с тем он предательски дрожал. Только сейчас молодой человек осознал, что никогда прежде не разговаривал с отцом на тему любви. Он вспомнил, как в детстве говорил, что любит отца, но отец никогда не отвечал. Уходил работать, делал все, что угодно, но только не

разговаривал с ним.

-Почему, отец? Почему ты никогда не слушал меня, мои желания? Какое ты сейчас имеешь право говорить, что любишь меня?! Чего ты хочешь? Ты боишься на старости лет остаться один?

Он замолчал и опустил голову, чтобы не показывать ему появившиеся на глазах слезы. Потому что отец не должен их видеть. Никогда.

Путеводная Нить

Когда на него посыпалась гневная речь сына, он только вздохнул. Он молча выслушал его и снова повернулся к окну. На улице светило солнце. Оно было теплым и ярким. Было видно, что лето не хочет отступать. И потому было очень тяжело сидеть в четырёх стенах больницы. Хотя сейчас он должен был лететь в самолёте. Он вздохнул. Во всей этой ситуации радовало только то, что отсутствие его в Сингапуре ни на что не повлияет. А вот в Австралии обязательно нужно быть. Но до Австралии ещё дня четыре, и за это время он обязан поправиться. Значит, полетит с гипсом на руке.

Он не мог видеть лицо сына, на котором отпечаталась боль. Маркусу было больно это говорить, но Рикардо прекрасно понимал, что в его словах больше девяносто процентов правды. Он был ужасным отцом, который находил много поводов не заниматься своим ребёнком, постоянно быть на работе, откупаться от него деньгами. Он уже и не помнил, когда последний раз поздравлял сына с днём рождения лично, не отправляя сообщение по почте. Последнее время все их разговоры сводились к тому, что Маркусу нужно повзрослеть и выкинуть из головы всю дурь. Ни слова одобрения, ни слов поддержки. Он не знал, что крутилось в голове у его сына, он не знал, как с ним разговаривать.

Когда Маркус опустил голову и замолчал, проглотив последние слова, Рикардо покачал головой и отошёл от окна. Ему было больно видеть сына таким разбитым. Он уже три года пытался попросить у него прощения, но из-за работы, а может из-за обиды, пытался отказаться от него. Скорее всего от обиды. Потому что Лаура была единственным человеком, который его поддержал после смерти Лиды. Лаура помогла ему найти нянь для Маркуса, хотела сама о нём заботиться, но в это время у неё была свадьба, потом переезд в Россию, где она застряла на почти двадцать лет. У неё была своя жизнь, и Рикардо просто не мог ей подкидывать ещё заботы о Маркусе. Родители всегда были против ребёнка, они его долгое время не принимали, но потом ему пришлось их познакомиться. И мать самыми разными способами издевалась над мальчишкой, заставляла его читать Библию, оставляла без еды, унижала. А Маркус... возможно, когда-то он что-то говорил, но он, Рикардо, постоянно был на работе. Потому что его воспитали так, что финансовое благополучие важнее семейных ценностей. К тому же Лидию никто не воспринимал как человека. С ней даже никто не познакомился. Она для них не была человеком. И мальчишка, рожденный от нее, тоже.

А потом Маркус перестал ему рассказывать о своих переживаниях. Это было лет в восемь, кажется. В какой-то момент его сын, добрый любознательный мальчик, превратился в мелкого гадёныша. И виноват был в первую очередь Рикардо.

Мужчина вздохнул и подошёл к сыну. Последний раз он обнимал его лет пятнадцать назад. Сейчас было страшно. Он знал, что Маркус имеет полное право послать его куда подальше и уйти, чтобы его никогда больше не видеть. Но он должен хотя бы попытаться обнять его. Последний раз, если так суждено, вдохнуть его родной запах, вспомнить эти объятия. Он рукой нежно поднял его голову за подбородок и заглянул в его глаза, в которых застыли слёзы. А потом обнял его. Очень крепко и нежно.

- Прости меня, Маркус. Я был ужасным отцом. Я тебя сильно люблю, - проговорил он хриплым голосом...

Маркус Агирре

Когда отец поднял его голову за подбородок, Маркус посмотрел на него полными слёз глазами. Удивился, что отец не выглядит сердитым или таким непроницаемым, как всегда, и сглотнул. А потом отец его обнял и прижал к себе. Маркус уткнулся носом в его плечо и зажмурился. Не смог подавить в себе всхлип, когда почувствовал, как отец прижал его к себе. Он не помнил, когда отец последний раз его так обнимал, и ему казалось, что этого вообще никогда не было. Но это было, только было очень давно. Молодой человек неуверенно обнял его в ответ.

- Я... тоже тебя люблю... наверное, - прошептал он. - Я... очень испугался, когда узнал, что ты попал в больницу с больным сердцем. Я помню, что наговорил тебе очень много гадостей. Я хочу извиниться, прости меня.

Они бы так еще долго стояли, обнимая друг друга как любящие отец и сын, однако тишину больничной палаты прервал звонок мобильного телефона. Маркус оторвался от отца и вздохнул. Посмотрел на его лицо и отвернулся. Идиот, неужели он думал, что отец сейчас всё бросит и будет разговаривать с ним? Он ведь никогда раньше не разговаривал с ним, он никогда прежде не думал о нём, предпочитая работать. Постоянно работать. Вот и сейчас ему нужно работать. Маркус глубоко вздохнул и весь как-то сгорбился. Первой мыслью было желание уйти куда-то, но он почему-то остался стоять на месте...

Путеводная Нить

Он всегда любил своего сына. Просто он не умел этого показывать. Он знал, что такое отношение к сыну не приведет ни к чему хорошему, но ничего не мог поделать. И сейчас, обнимая Маркуса, он не ожидал, что тот ответит на его проявления нежности. И он очень напрягся, когда сын обнял его в ответ. Робко, неуверенно. Но с какой-то любовью. Он вдруг снова очутился в том времени, когда он был молод и полон сил, а его сын был маленьким мальчиком, очень скупающим по отцу. Он вспомнил те объятия, потом вспомнил, как трехлетний сын забрался на его колени и стал застегивать пуговицы на его рубашке. Делал он это старательно и с каким-то упорством. А потом вдруг случайно оторвал пуговицу и разревелся. Рикардо тогда его долго успокаивал.

А потом они еще вместе собирали скворечник. И запускали воздушных змеев. Почему этих моментов оказалось не так много? Почему он стал отдаляться от своего сына? Что им делать?

Раздавшийся телефонный звонок прервал их объятия. Маркус первым отстранился от него и направился в сторону двери. Мужчина почувствовал непонятный укол в сердце и положил руку на плечо уходящего сына. Он знал, что должен сделать что-то, иначе потеряет сына безвозвратно и навсегда. Остановив Маркуса, он взял телефон и отключил его. Потом посмотрел в окно. Солнце манило.

Он только хотел что-то сказать, как в палату вошла Джулия. Оценив обстановку, она кивнула на ноутбук и забрала его, утащив ещё и телефон. Потом подошла к Рикардо и поцеловала его в щёку.

- Тебе врач запретил работать, так что я побуду на переговорах. Анализы твои в порядке, через полтора часа тебе сделают повторную томографию и, если всё будет хорошо, то отпустят тебя из больницы.

- Это хорошая новость, Джулия. Спасибо тебе за помощь.

- Не скучайте здесь. Я приду через час, - и женщина, поклонившись Маркусу, ушла.

А Рикардо проводил свою помощницу и сел на кровать. Был примерно час, чтобы поговорить со своим сыном и наладить хоть какие-то отношения. Час, когда они будут наслаждаться обществом друг друга, и никто им не будет мешать...
